НА СУШЕ и НА МОРЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В далеком будущем всё подвластно Человеку, могучему Homo galactos: он может гасить и зажигать звезды, строить новые планеты, сколь угодно продлевать жизнь. Но человеческое мироздание колеблется от вторжения иномирных сил…

Редакция 1968 г.

- Александр Колпаков
  - ○

Александр Колпаков
Если это случится…

1

— Да, это фиолетовое смещение… — повторил Эомин и вновь испытал нечто вроде растерянности.

Протекли минуты или часы. Эомин будто забыл, что вызван на беседу Советом космического человечества.

— Я жду, — напомнил председатель Совета Урм, чье изображение, пройдя по лучу дальнодействия огромный путь от центра Галактики до Земли, было настолько реальным, живым, что казалось: Урм находится здесь же, в комнате.

Эомин перевел взгляд на узкое, продолговатое лицо Урма, человека из расы «хомо галактос», не имеющего почти ничего общего с землянином. Ничего, кроме необъятного, все подавляющего лба.

Взгляд Урма требовал ответа.

И мысль Эомина нарисовала на экране картину его недавнего путешествия… Туманный пространственный диск, окутанный слоями магнитной защиты, мчался по четырехмерным равнинам пространства-времени, огибая холмы и пики гравитации. Вот он вошел в соприкосновение с океаном Дирака и, пробив его по кратчайшему расстоянию, оказался на границах Метагалактики. Здесь был абсолютный мрак. Пустота. Вакуум на пределе разрежения. Здесь умирал луч света, миллионы лет назад покинувший лоно светоносных звезд. Но разумная жизнь теплилась и в этой ультрапустыне.

Вглядевшись, Урм различил в глубине экрана сферическое тело. Оно становилось все крупнее, объемнее и медленно вращалось вокруг продольной оси. Чаши нейтринных и гравитационных телескопов густо усеивали его поверхность. Сфероид ярко светился изнутри. В его недрах угадывались дороги, сады, города, растительность. То была одна из многих планет-обсерваторий космического человечества.

Выбросив наружу тысячемильные стрелы генераторов, она непрерывно сосала Пространство, сгущая до предела рассеянную в нем энергию и превращая ее в зримые потоки тепла и света. А это значит — в жизнь.

Вот уже более миллиона лет, рассказывал Эомин, телескопы

обсерватории нацелены в таинственные дали Мегамира. Они следят за нарастанием величайшей от начала времен драмы. Дело в том, что откуда-то из глубин большой Вселенной на Метагалактику надвигаются новые, еще непознанные материальные структуры. Внутри них пробудились иные, нежели всемирное тяготение, формы бытия. Да, там не гравитация. Фундамент нашего трехмерного, замкнутого на себя пространства-времени с каждым мгновением необратимо расшатывается. Отрицая самое себя, гравитация уступает место новым, неизвестным силам мироздания. Это они, эти силы, сдвинули к фиолетовому концу все линии в спектрах далеких галактик.

— Понял, — наклонил голову Урм. Его бесстрастное лицо не отразило ничего, кроме сосредоточенной работы мысли. — Это закономерно. Материя нашей Метагалактики завершает последний виток миллиардолетней спирали развития. Свой виток бесконечной спирали, — уточнил он, подумав.

Что-то будет? Какова сущность нового, идущего из Мегамира пространства-времени? Или оно не имеет ничего общего с трехмерным континуумом? Что должно предпринять человечество в подобной ситуации? Эти и многие другие вопросы читали они в глазах друг друга. И не находили ответа. Даже их мощный ум не мог представить того, чего никогда не было. Потому что материя Мегамира эволюционировала в каких-то неведомых формах вещества и поля, развивалась по законам, недоступным пониманию людей.

Урм опустил голову. Он больше не смотрел на светящийся купол приемника дальнодействия. Тот медленно угасал. В зыбких ячейках микроструктур, еще живших на его своде, казалось, угадывались грозные картины Мегамира, вызванные из небытия мыслью Эомина.

«Да, это неизбежно. Как восход солнца, — думал Урм. — Естественный переход материи из одной формы бытия в другую. Но сколько длился этот переход?».

— Двенадцать миллиардов лет, — вслух продолжал он свои размышления. — Огромный временной отрезок. А в масштабе вселенной — лишь краткое мгновение.

— Двенадцать миллиардов, — как эхо отозвался Эомин. — Новый цикл развития. Но какого? Этого мы не знаем. Никогда не узнаем. Только один виток бесконечной спирали. — Черты его лица исказились. — Начинается новая ветвь спирали… Но уже без нас. Без нас.

Глаза Урма тоже потеряли свою обычную бесстрастность.

— Хорошо. Соберем совет, — тихо произнес он. — Мы

обязаны принять решение.

— Должны, — подтвердил Эомин.

Беседа была окончена. Луч дальнодействия задрожал, изображение потускнело. Черты неповторимого облика Урма растаяли в дымке волновых пульсаций. Эомин побрел к выходу.

В операторском центре он невольно остановился. Некоторое время стоял недвижно, безотчетно впитывая вечную красоту Космоса. Прозрачная стена зала, непроницаемая для любых излучений, была совершенно невидимой, и ему казалось, что он просто парит над дисковидным телом орбитального спутника, где размещалась станция дальнодействия. Небесная сфера горела миллионами звезд. Их пронзительно-холодные зрачки были спокойны. Надменные, бесстрастные, величавые светила ни о чем не догадывались. На какое-то мгновение Эомина охватило неизмеримо глубокое чувство утраты. Близится естественный конец этой извечной красоты. Да, но это неизбежно, вздохнул он. Весь этот видимый мир, сверкающий уже миллиарды лет красками и светом, наполненный неустанным движением, исчезнет. Как бабочка-однодневка на весеннем лугу. В это нельзя поверить. Эомин с трудом оторвал взгляд от небесной сферы и, пройдя в секцию пульсаций, усилием воли включил дезинтегратор… Плавно переместились чаши приемников. Вокруг Эомина задрожали туманные вихри. Распались биоструктуры его тела, возвращаясь в изначальное электронно-протонное лоно. Подобно лучу света, Эомин пронизал околопланетное пространство.

Спустя несколько минут он вышел из интегратора — одного из многих, установленных на поверхности Земли. На этот раз — на побережье Тихого океана, вернее, его залива — Охотского моря.

Вечно синее небо, лазурный водный простор, бурное цветение природы на миг утишили боль в сердце. Эомин жадно вдыхал воздух Земли, древней колыбели людей — землян и «хомо галактос».

Почти задев его, порхнула на орнитоплане юная девушка, видимо школьница на каникулах. Из того вон города-цветника, что пеной легких зданий сбегает к морю со склонов когда-то высокого горного хребта. На ее прелестном лице блуждала рассеянная улыбка. Она тоже ни о чем не подозревала. Просто наслаждалась воздухом, морем, солнцем — жизнью. Как и десятки миллиардов других. «Они ничего не должны знать, — подумал Эомин. — Зачем омрачать их радость?»

Эомин вызвал центральную станцию связи.

— Где сейчас Динос? — спросил он диск всепланетного

информатора.

— На шестом спутнике Юпитера, — ответил информатор. — Он испытывает новую модель антиракеты.

Эомин усмехнулся. Да, это вполне в духе Диноса. Всегда что-нибудь испытывает. Все рвется в какие-то недостижимые дали. Совсем недавно не кто иной, как Динос, пришел к Эомину и подбивал его на отчаянное путешествие в Мегамир.

— А цель какова? — усмехнулся Эомин.

— Отыщем один из тех миров, о которых я узнал, роясь в глубочайших слоях всепланетной памяти.

— Объясни подробнее, — сказал Эомин, снисходительно разглядывая Диноса. Казалось, тот весь был начинен взрывчатой энергией. Его движения были резки и порывисты, глаза то и дело вспыхивали темным огнем — словно костер, в который подбросили охапку хвороста. Динос являлся одним из немногих представителей редкого вида «хомо эмоцио».

— Я наткнулся там на любопытные мысли древнейшего естествоиспытателя. Его имя случайно сохранилось на магнитных паутинках — «Эйнштейн». Так вот послушай.

И в мозгу Эомина отчетливо прошелестел голос памятной машины: «Возможно, что существуют другие миры вне всякой связи с нашим, то есть вне всякой постижимой для нас связи. Возможно, пожалуй даже вероятно, что мы откроем новые звездные миры, далеко выходящие за пределы того, что исследовано до сих пор. Но никакое открытие никогда не выведет нас из установленного нами трехмерного континуума, так же как исследователь из плоского, двухмерного мира никогда, что бы он ни открыл, не вырвется из своей плоскости. Поэтому приходится успокоиться на конечности нашей части Вселенной. Вопрос о том, что за нею, не подлежит дальнейшему обсуждению, потому что он приводит только к чисто логической возможности, не поддающейся научному использованию».

— Ну, что теперь скажешь?

Эомин пожал плечами:

— Первобытный мыслитель высказал объективную истину. Он прав. Никому еще не удалось проникнуть в Мегамир.

— Но я никогда не примирюсь с этим, — сказал Динос. У него был резкий, рассекающий воздух голос. — Мы умеем перестраивать целые галактики. Так почему не прорваться в Мегамир? Смелости не хватает?

— О, конечно, — с едва заметной иронией отозвался Эомин. — На планете уже не осталось храбрых людей.

— Не в том дело. Слишком много размышляем. Самоанализом увлекаемся. А требуется Действие.

…И вот теперь, увидев перед собой Диноса, Эомин припомнил тот давний разговор.

— Слушаю, — отрывисто произнес Динос. — Зачем позвал? У меня нет времени. Я испытываю…

— Должен сообщить тебе нечто, — прервал Эомин. — Боюсь, что тебе придется оставить антиракеты.

И он рассказал о событиях на границах Метагалактики.

— Ну и что? — нетерпеливо проговорил Динос. — Фиолетовое смещение? Да о нем знали еще в первобытные времена. Так мы превратим его в красное!

— Эмоции, как всегда, подавляют твой разум, — наставительно заметил Эомин. Он имел на это право: был вдвое старше Диноса и был главным хранителем планетных знаний. — Подумай лучше. Остановить начавшееся сжатие нашей области Вселенной — задача невозможная. Да, мы умеем перестраивать галактики. Гасить и зажигать звезды. Строить новые планеты. Сколь угодно продлевать жизнь человека… Но вся наша мощь — ничто перед лицом фиолетового смещения. Все равно, что попытка ребенка сдержать слабыми руками горный обвал. Вот расчеты.

Эомин мысленно запросил вычислительный центр. В пространстве над его головой вспыхнули массивы цифр и уравнений. Пляска математических индексов и символов продолжалась несколько минут. Динос следил за ней молча, насупив мохнатые брови.

— Надеюсь, это тебя убедит?

— Эомин! — вдруг крикнул Динос с такой яростью, что Эомину показалось, будто он сейчас ударит его. — Почему ты возмутительно спокоен? Почему? Я… никогда не смогу примириться… Не могу! Это… — он тщетно силился довести фразу до конца. Потеря речи удвоила его гнев. Он сжал кулаки, и, неподвижно глядя в пространство, добавил почти беззвучно: — Не верю. Докажи.

— Но это на границе Метагалактики!

— Неважно. Я побываю и там.

— Кстати, — Эомин улыбнулся, — еще раз сможешь проверить сделанные расчеты. У лучших математиков.

Бездонная мудрость, накопленная тысячами предшествующих поколений, была в этой грустной улыбке. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга, и молчание это было подобно океану, в который они медленно погружались.

— Да, не стоит проверять, — вздохнул Динос, колотя кулаком о кулак. — О, если б нам только выбраться из этого положения! Взлететь с нисходящей ветви миллиардолетней спирали. И начать

все вновь.

— Зачем? — возразил Эомин. — Нельзя же бесконечно жить. Это не нужно. Мы, хомо, должны уйти. Как звезды и галактики.

Динос покачал головой. Его глаза погасли. Правда сразу ударила его, как острый нож: планета Земля исчезнет. Да что там Земля — весь видимый мир! Он невольно оглянулся. Ничто не изменилось. Солнце все такое же. Вот море. Ослепительно белый песок. Тень утесов. Голоса женщин и детей. Планета, безмолвно вращаясь, плывет в молчаливом пространстве.

Динос лег на песок, перевернулся, погрузил в него пальцы. Он задыхался… Он не мог даже заплакать, так пусто было от этой утраты. Потом он резко поднялся, рассеянно кивнул Эомину и направился к прозрачному куполу трансгалактического биопередатчика-дезинтегратора.

«Он что-то затевает», — подумал Эомин и крикнул ему вслед:

— Пока Совет Галактики не вынесет решения, никто не должен знать! Слышишь?

Динос не ответил.

2

Время падало каплями, как вода с концов сталактитов. Или еще медленнее. Так казалось Эомину, пока он ожидал информации из центра Галактики. Наконец замерцал экран дальнодействия. Эомин сразу погрузился в атмосферу ожесточенных споров. Будто с головой окунулся в водоворот.

Только что говорил Урм, и теперь его изображение, отступив на второй план, слегка потускнело. Необъятный амфитеатр Совета, переполненный до краев, едва вмещался в фокусе луча. Тут было смешение всех рас и видов «хомо». Высокие и малорослые, титаны и пигмеи, человекоподобные и совсем непохожие на человека. Посланцы самых далеких звездных миров. Дети одного великого древа Жизни и Разума.

Эомин сразу увидел знакомое лицо Диноса. А вокруг — движение возбужденных лиц и жестов. «Его единомышленники, люди Действия, — иронически подумал Эомин. — Как будто действием можно заменить мысль».

Динос сорвался с места, подбежал к трибуне. Во весь экран выросла его стремительная фигура, размахнулись густые брови, похожие на летящую ласточку. Костер в глазах горел жарким пламенем. А выше, у самого края экрана, мерцали огромные центральногалактические звезды.

— Здесь побеждает дух обреченности, — начал Динос резким,

рассекающим воздух голосом. — Но разве человек сдавался когда-нибудь? Я предлагаю борьбу! Дорогу людям Действия. Мы соберем в единый караван все планеты…

Возгласы с мест заглушили конец его фразы, но голос Диноса все же прорвался к приемнику дальнодействия:

— …все планеты и поведем их в Мегамир. Мы пробьемся через фиолетовое смещение!

— А ты измерил его мощь?

— Это больше, чем утопия!

— Эмоции, не подкрепленные математикой!

— Объясните ему на пальцах.

Внезапно наступило молчание. Эомин напрягся. «Что там случилось?» Возбужденное лицо Диноса отступило в глубину экрана, а на его месте возник кто-то другой, смутно знакомый. Эомин вгляделся. Да, конечно. Главный астроном — с Границы. Но что принес он оттуда?

— Споры теперь неуместны, — тихо произнес ученый. Его сухое, до предела бесстрастное лицо дрогнуло. Это было неожиданно и необычно для человека из расы «хомо галактос».

— Наша обсерватория погибла! — выкрикивал он спустя мгновение. — Ее нет! Она просто испарилась, растаяла. Нам, немногим, кто успел уловить момент сдвига трехмерного континуума, пришлось дематериализоваться. Мы едва вырвались с Границы по лучу света. И вот я здесь… Великий удав Мегамира одним дыханием заглатывает целые миры и галактики!

Ученый умолк, ему не хватало воздуха.

По залу Совета пронеслись восклицания. И опять наступило молчание.

— Яснее, Итул, — потребовал Урм. — Подробности. Факты. Цифры. Главное — как скоро?

— Я уже сказал, — еле слышно ответил главный астроном. — Мегамир наступает. Для него не существует предела скорости. На границах Метагалактики началось свертывание пространства-времени. Свертывание, превосходящее все масштабы и скорости. Оно не подчиняется известным нам физическим законам. Помнишь, мы читали в древних записях: «В конце концов расширение нашего мира прекратится. Красное смещение сменится фиолетовым». Так вот, сжатие Метагалактики — совершающийся факт. Может быть, через тысячу лет, а может, и завтра наш континуум вновь, как десять миллиардов лет назад, вернется к сверхплотному состоянию и взорвется.

Эомин почувствовал, как цепенеет его мозг.

— После взрыва, — устало закончил «хомо галактос», — в нашей части вселенной опять начнется расширение. Новое

красное смещение. Но в каких формах будет жить материя? Нам никогда не узнать. Бесспорно только одно: возникнет новая жизнь, новые разумные миры. Но какие? Возможно, им придется решать те же самые задачи, над которыми бились мы и предшествующие поколения? Не знаю этого, но знаю, что только это и вечно. Разум, жизнь — они бессмертны… Хотя мы, хомо, должны уйти.

Казалось, холод сковал само время, остановил движение мысли. Растерянность — неведомое ранее чувство — охватила Диноса. Он безотчетно посмотрел вверх. Над выгнутым краем амфитеатра склонилась прозрачная ночь, сверкающая звездами. И она словно омыла его душу своей невозмутимой благожелательностью. Динос понял, что есть предел всему, даже его самоуверенности.

— Что же делать? — прошептал кто-то позади.

— Вот это мы и должны решить, — отозвался Урм, изощренным от природы слухом уловив слабый возглас.

Лицо Урма оставалось непроницаемым, как у всех «хомо галактос», но в глубине огромных зрачков билась напряженная мысль.

— Кто хочет сказать?

— Теперь и я понял, — рассек тишину голос Диноса. — Предотвратить сжатие нельзя! Но встретить достойно — это в наших силах.

— Что предлагаешь? — спросил Урм, с недоверием глядя на Диноса. — Опять голое Действие?

— Нет, нет, — спокойно ответил Динос. — Просто я подумал… Если пробиться через океан Дирака? Ведь мы проходили его в своих поисках.

— На пространственных дисках — да, — сухо заметил Урм. — Но не в масштабах планет. Всей нашей мощи не хватит на создание магнитных экранов даже для одной Земли. Планета не пятиметровый диск.

— Погибнуть в борьбе — прекрасно, — вдохновенно заявил Динос. — Очистительный огонь аннигиляции смоет все наши заблуждения.

Урм покачал головой.

— Неразумно, — отрезал он. — Если не бессмысленно.

— Человек всегда сжигал себя, чтобы сделать шаг вперед! — крикнул Динос.

— Вот именно. Чтобы идти вперед. А куда зовешь ты, Динос?.. Да, погибнуть в борьбе — подвиг. Но кто узнает о нем? Кого вдохновит наше последнее деяние? Будущие поколения? Но ведь их не будет.

Динос молчал. Однако весь его вид говорил о том, что «хомо эмоцио» остался при своем мнении.

…Еще и еще собирался Совет Галактики. Эомин тоже прибыл на заключительную встречу. Накануне они долго беседовали с Урмом в поисках решения. Многодневные дискуссии кончались, а решение не приходило.

Урм был молчалив и бесстрастен. Его лицо совсем застыло, превратилось в камень. Но вот он поднял голову, пристально взглянул на Эомина. И тот понял. Одна и та же мысль, словно холодная молния, блеснула в их сознания.

«Хомо галактос» медленно поднялся во весь свой громадный рост.

— Есть лишь один разумный выход. В том смысле, чтобы сохранить род Хомо… — Его слова падали в притихший амфитеатр, словно тяжелые, хорошо обкатанные камни. — Да, наша Вселенная замкнута сама на себя полем тяготения, искривляющим путь луча света. Свет «умирает» па границах Метагалактики. Но теперь гравитация с каждым мгновением слабеет, уступая неведомому полю Мегамира. Луч света освобождается из вековечного плена. Он может лететь в Большую Вселенную. Бесконечно.

— Я понял тебя, Урм! — восторженно сказал Динос. — Понял!

Урм поднял руку, останавливая его.

— Да, луч света вырвался из оков тяготения. И мы можем послать в бесконечность Великую Информацию. Весть о себе, о том, что в эпоху красного смещения в этой части мироздания существовало человечество. Мы превратим наш разумный мир — пока не поздно — в луч Информации. Электромагнитными письменами напишем историю рода «хомо сапиенс — хомо галактос». Его победы и поражения, неудачи и взлеты… запишем индивидуальную структуру каждого живущего сейчас, короче говоря, всю нашу цивилизацию. Луч Информации пробьет зону фиолетового смещения и уйдет в свободный полет. Но он не будет мчаться вечно. В одном из тех миров, что скрыты от нас оптическим горизонтом, он снова найдет сходное поле тяготения и начнет движение по спирали. Настанет время — и, повинуясь программе, луч Информации начнет материализоваться.

Верно, что мы не в силах сейчас прорваться в эти сходные миры в материальной форме. Так пусть это сделает за нас луч Информации. Мы не исчезнем бесследно и будем вечно жить в иных, сходных мирах. Я сказал все!

Урм опять превратился в застывший камень. Почти зримый

вздох облегчения прокатился по рядам тех, кто должен был принять самое ответственное решение о судьбах всех Хомо. Луч Информации! Это было то, что нужно. Он уже горел в тысячах глаз, устремленных на купол звездного неба.

И Эомину показалось, что огромные галактические звезды утратили свою бесстрастность: вместе с ним они приветствовали это решение.

На Землю они вернулись вместе. Динос коротко сказал:

— Извини. Пойду спать. Устал.

Эомин проводил его задумчивым взглядом. Да, тяжело. Но разве только ему? Хотя Диноса можно понять. Эра Действия кончилась, и Диносу нечего больше делать. Сейчас он словно дельфин, выброшенный ураганом на залитую солнцем отмель. Лоно его жизни, океан, бурно плещется совсем рядом, но уже недостижим. И дельфин обречен. Ибо движение, действие — для него жизнь, а покой, неподвижность — небытие. Впрочем, Диносу предстоит последнее действие, самое ответственное, какое он когда-либо совершал: он должен подготовить все необходимое для дематериализации Земли — строго рассчитанной и с высочайшей точностью запрограммированной аннигиляции. Гигантская вспышка энергии — и луч Информации уйдет в немыслимо далекий путь.

В сознании Эомина еще звучал голос Урма, очень старого и очень мудрого «хомо галактос». Он так долго был его учителем и другом.

— Мы сделали все, что могли… Ты, Эомин, аннигилируешь Землю, — он взглянул на циферблат Галактических Часов, паривший в вышине, — ровно через две тысячи восемь минут… Помни, что этот интервал должен быть выдержан с точностью до кванта времени. Надеюсь на тебя, Эомин. Твоя воля не должна дрогнуть. Иначе Земля не попадет в поток Единой Синхронизации.

— Этого не случится, Урм, — резко сказал Эомин.

— Знаю. Верю. Прощай, Эомин. Еще раз напоминаю. Никто не должен знать о решении Совета. Полезная ложь лучше бесполезной правды. Пусть люди живут полно и радостно — до последнего мгновения.

И вот уже Урм, очень старый, мудрый «хомо галактос», уходил навсегда. Падал в прошлое. «Он еще есть, но он уже был, — стучало в мозгу Эомина. — Когда-то придется ожить там, в сходных мирах?»

Влажная пелена внезапно застлала ему глаза.

3

…Динос вошел в свою комнату, вернее, в сотканный из зелени и света павильон среди старого сада. Упал на ложе. Обычно он засыпал сразу, будто захлопывалась дверь. Но теперь сон не приходил. Динос перевернулся на спину, заложил руки за голову. Прикрыв веки, он бездумно созерцал небо. И вдруг ему показалось, что он плывет по реке, не пытаясь даже шевельнуть рукой, неподвижный, безвольный… Он снова вдыхал жизнь. Пил ее большими глотками, счастливый, беззаботный, до последних глубин своего существа отдаваясь этому ощущению счастья. Покой, тишина. Как долго он не знал об этом. Как чудесна жизнь!

С мелодичным гудением пронесся рейсовый магнитоплан, и Динос толчком вернулся к реальности. Вспомнил о Действии, которое ему предстояло подготовить и осуществить. Его охватил страх. Справится ли он с этим? Ведь в его руках судьба всех Хомо. Они бесконечно долго будут ожидать возвращения к жизни, пока Луч не достигнет тех, сходных миров. О, только бы не думать, не знать! И тут же вспомнил об Эомине: «Он всегда был человеком без эмоций. Хомо рацио».

…А Эомин, почти физически ощущая неумолимый бег времени, медленно плыл по сонным водам туманного полуденного моря. Теплое, бесконечное, ласковое, оно баюкало, омывало его. И чувствуя, как в нем поднимаются эмоции — те самые, которые он подавлял всю жизнь, чтобы воспарить мыслью до самых высоких вершин Знания, Эомин обрел то редкое равновесие, когда проступает наружу красота, разлитая в мире.

Его путь лежал в Антарктиду. Эомин был главным хранителем древней планеты Земля. И желал последний раз увидеть этот цветущий сад, где был садовником и творцом, работником и хозяином. Там, в Антарктиде, раскинулся гигантский город без людей — всепланетный информарий. Миллиарды лет человеческой истории были впрессованы в микрокристаллы и видеоленты. Сгусток невообразимо долгой истории, целый космос знаний. «Ибо мозг человека тоже космос», — думал Эомин, машинально управляя биомагнитным судном. Каплевидный аппарат плыл и плыл по сонному полуденному морю. «Да, космос. Духовная бесконечность. Интеллектуальная Вселенная. Ей нет конца, как и физической Вселенной. Бессмертный луч сохранит эту Вселенную. Вечно, навсегда». Он ласково похлопал робота-рулевого:

— И ты, друг, будешь жить вместе с нами. В золотом луче.

Эомин то засыпал, то вновь просыпался. Сотканные из магнитных полей и света стрелки Мировых Часов ослепительно

мерцали в зените. Аппарат вошел в южные широты. Была ночь, пурпурно-голубая безлунная тропическая ночь. На побережье какого-то острова, темневшего справа, сверкала золотая сеть далеких огней. Великий Удав времени, раскрыв пасть, неумолимо проглатывал минуту за минутой. Их оставалось все меньше. До того мгновения, когда остановится все. И движение Удава времени, и вращение планеты, и биение мысли. Но зато будет жить луч Информации.

Город-информарий был погружен в темноту. Время здесь умерло давным-давно. Здесь жили только мысль и история. Захороненные знания человечества можно было пробудить простым усилием воли. Нельзя было лишь остановить или задержать бег стрелок, что мерцали в ночном небе.

Эомин шел бесконечными анфиладами валов, где хранились записи. Нетленная память эпох и деяний. Наконец он достиг круглого зала — программирующего центра информария. Бесшумно сдвинулись слои поляроида, лунный свет залил помещение зыбким туманом. Вспыхнули светильники. Эомин сел за пульт, уронил голову на руки. Надо было собраться с мыслями, прежде чем начинать то, ради чего он прибыл сюда. Предстояло отобрать и запрограммировать для Великой Информации узловые этапы истории Хомо.

Несколько минут Эомин сидел неподвижно. Потом поднял голову, включил главный проектор информария. И как бы растворился в возникших картинах… Строгие пейзажи полностью оцивилизованной Земли. Да, нужно начинать с этого. А затем показать мучительные тропы, по которым шел род Хомо. Собственно, это уже была не та старая, древняя планета. Скорее, до предела ухоженный, старый-престарый сад — и вечно юный. Давно исчезли девственные леса, джунгли, пустыни, полярные льды. Сгладились горные хребты… По редким заповедникам бродили ручные звери, и на их спинах катались дети… А вот следы технической цивилизации. Цифры тут мало что скажут. Хотя количество израсходованной энергии впечатляет. Ибо за миллионы лет человечество сожгло весь тяжелый водород планеты, поэтому уровень Мирового океана понизился на сотни метров против древних времен. Более чем наполовину выбраны земные недра. Планета отслужила свое. Зато дала жизнь могучему разуму «хомо галактос». А сама осталась садом, музеем, храмом поклонения. Эомин усилил мощность проектора. Толпы «галактос», никогда не видевших колыбели своих далеких предков, бродили по планете. Этот непрекращающийся поток гостей со всех уголков Млечного пути льется уже сотни веков. Да, Земля стала храмом поклонения, матерью всех, кто жил, живет и

будет жить. «Будет ли? — спросил себя Эомин. — Да, будет. В золотом потоке мысли и света».

Он начал углубляться в прошлое. Дальше, все дальше. Вот здесь. Первобытные эпохи? Нет, нехарактерно. Так начинали многие, если не все. «Машинная цивилизация», — сухо произнес голос информатора. Эомину казалось, что он погрузился в какие-то мрачные дебри. Его потрясли невероятно уродливые формы, ужасающие противоречия и скачки назад, сопровождавшие эволюцию социальных форм живой материи. Но вот они медленно сползли с экрана… Нет, подожди. Эомин возвратил записи обратно. Не следует ли вложить это в главный канал информации? Для тех, кто еще не родился, — в мирах, куда придет Бессмертный Луч, где будут жить потомки Хомо. Может быть, записи послужат уроком для тех, еще не родившихся? Чтобы им не пришлось повторять тягостных ошибок и заблуждений прошлого.

Тихо вращался блок памятной системы, укладывая в короткие импульсы то, что тянулось долгие века. Мучительно лениво тащилась колымага истории… Изредка всплывали из мрака фигуры титанов мысли, как вехи на пути восхождения. Но впереди еще была непроницаемая темнота. Внезапно в фокусе проектора возникла яркая вспышка света. Что это?.. «Октябрь», — прозвучал голос памятной машины. Эомину казалось, что в черном мраке вспыхнула Сверхновая звезда. От нее исходил ослепительный поток мысли. Прорвавшись сквозь тьму миллионолетий, сиял в недрах истории образ знакомого человека. «Ленин, ленинизм», — бесстрастно отстучал информатор. «Ленин» — эхом отдалось в сознании Эомина. Он почувствовал волнение. Светоносный луч словно согрел его усталое сердце, наполнил горячей кровью, новой силой. Эомин с изумлением ощутил, что хотел бы вечно впитывать этот луч мысли, ибо от него исходило чудесное тепло.

Неожиданно загорелся экран всепланетной связи. Эомин повернул голову.

— Это я, — сказал Динос. В его голосе звучала странная решимость.

— Ты включился преждевременно, — недовольно заметил Эомин.

— Не имеет значения! Я хотел… проститься с тобой.

— Проститься?

— Да. Я решил отказаться. Пусть другой готовит аннигиляцию. Слишком это тяжело. Кто-нибудь другой.

Эомин удивленно смотрел на него, выжидая.

— Пусть кто-нибудь. Не я, — упрямо твердил Динос. —

Попробую пробиться через океан Дирака… Антиракета ждет меня на спутнике.

— Ты хорошо обдумал? — поднялся Эомин. — Ведь это называется… трусость. Эгоизм. Так, кажется? — Он быстро справился по каналу историко-лингвистической машины. — Да, верно. Эгоизм. Никто, кроме тебя, не сможет в короткий срок, отпущенный Советом Галактики, — он взглянул на сияющий круг Мировых Часов, видимый сквозь купол зала, — организовать последнее Действие. И ты хочешь бежать? Кто же подготовит аннигиляцию?

— Не уверен, что она удастся, — в зрачках Диноса плескались растерянность и страх.

— Тогда не родится Луч! Великая Информация умрет вместе с нами. Это ты понимаешь?

— Кто может знать? — безнадежно махнул рукой Динос. Эомин вдруг успокоился. Сел за пульт. Он понял, что Динос ослабел духом.

— Явись сюда, в информарий, — сказал Эомин напряженным голосом. — Хотя бы на пять минут. Это моя последняя просьба.

— Зачем еще? Могу проститься и так.

— Прошу, — настойчиво повторил Эомин.

Видимо, в его голосе прозвучало нечто такое, что сразу убедило Диноса. Поколебавшись несколько мгновений, он пожал плечами и сказал:

— Хорошо.

…Вновь, теперь уже вместе с Диносом, Эомин впитывал тепло вспышки света во мраке истории. И Динос тоже, забыв свои страхи, ловил сердцем и мыслью чудесный луч. Его лицо утратило выражение холодного безразличия, подобрело, смягчилось.

— Это ты хорошо сделал… — прошептал он. — Ты мудр, Эомин.

— Те, еще не родившиеся в сходных мирах, — медленно говорил Эомин, — должны знать об этом. И они будут знать! Если только луч Великой Информации уйдет в намеченный путь. Верно?

— Ты прав, — ответил Динос, не глядя на него. — Как всегда, прав. Я иду. Спасибо, друг.

Динос уже скрывался в полутьме длинного коридора. Эомин вскочил на ноги, крикнул ему вслед:

— Прощай, Динос!

Тот не обернулся, только поднял вверх руку, медленно повел ею справа налево и обратно.

Эомин знал, что видит его в последний раз. Вот так, живого, а не на экране всепланетной связи. Но грусти не было. «Мы еще увидимся, Динос. Там, в сходных мирах. Хотя это случится не скоро», — подумал он со вздохом.

4

Эомин расправил занемевшие плечи. Все! Программирование завершено. Он встал, подошел к прозрачной стене информария. И едва смог разглядеть в зените циферблат Мировых Часов. Их сияющий круг совсем потонул в нарастающем блеске звезд. Это были зримые симптомы начавшегося сжатия Метагалактики. Исчезла разница между ночью и днем. Все новые и новые звезды появлялись на странно изменившемся небе, и оно стало походить на огромный, сверкающий всеми цветами радуги ковер. Солнце — старая, древняя звезда, значительно изменившаяся за миллиарды лет, — казалось теперь желто-красным пятном, готовым вот-вот погаснуть. И только искусственные плазменные шары, располагавшиеся ниже светила, еще горели ярче этих словно выскакивавших из мировой пустоты новых звезд. Эомин подумал о всех людях, которые в эту минуту тоже смотрели на неузнаваемое небо. Они еще ни о чем не догадываются. Тем лучше. Пусть они с этим и останутся.

Срок истекал. Восемьдесят пять минут… Эомин включил видеофон. В фокусе возникло лицо Диноса. Губы его плотно сжаты, всегда подвижное лицо словно застыло.

— У тебя все готово?

— Готов, — лаконично ответил Динос. — Включаю отсчет Аннигиляционного Времени… — У него перехватило дыхание.

Эомин молчал тоже. С минуту они пристально вглядывались друг в друга. Эомин хотел сказать ему, что они обязательно встретятся — там, в сходных мирах. Но не смог. Никакие слова не имели сейчас значения.

Удав времени застыл с разинутой пастью. Потом бесконечно медленно пополз. Последний круг. Завершающий виток. Всем существом Эомин почувствовал, как Динос слабеющей рукой включил систему всепланетной аннигиляции.

— Прощай… друг, — услышал Эомин прерывающийся голос. И не было сил ответить. Лишь кивнул головой.

Видеофон угас. И тут Эомина охватило всеподавляющее желание побывать в родных местах хотя бы несколько минут. Там, на русской равнине, где течет река с древним именем Волга. Там, где спят бесчисленные поколения предков. Он не был там еще ни

разу. Все не хватало времени. Эомин быстро взглянул на Мировые Часы. Сорок три минуты. Можно успеть. Нужно успеть. Он ринулся к выходу. В анфиладах залов, в длинных коридорах, по которым он бежал, гремело гулкое эхо шагов… Вот и дезинтегратор.

Дрожа от нетерпения, Эомин ждал, когда его охватят спасительные вихри пульсаций.

…Эомин очутился на берегу огромного водного простора. В бледно-синей воде отражались бесчисленные звезды, пылавшие при полном свете дня. Они все множились, выскакивая из пустоты. Тысячи белокрылых судов усеивали поверхность моря. И люди — Эомин хорошо видел их взволнованные лица на палубах, запрокинув головы, созерцали изменившееся, почти чужое небо. Пусть. Они так ничего и не узнали. Это лучше для них. Для всех. Эомин тщетно искал глазами хоть одну деталь пейзажа, которая напомнила бы ему смутно знакомые картины детства. Нет, все иное. До самого горизонта лежала зеленая субтропическая лесостепь. И реки не было.

— Где река? Где березы? — прошептал он.

В лицо пахнул ветер. Коротко прошелестели листья в пальмовой рощице. Где-то прокричала птица. Мировые Часы отсчитывали последние секунды. Последние кванты времени таяли в бесконечности. Эомин медленно опустился на землю, снова поглядел на белокрылые суда. Голубой водный простор на мгновение успокоил его бешено колотившееся сердце. «Где ты, река?» — успел еще подумать он.

Неимоверное зарево аннигиляции, поднявшееся со всех сторон горизонта, погасило разум. «Где же река?..»